

вому назначению предшествовала переписка между министерствами и Морского министерства с Управлением III отделения для выяснения возможности службы в Министерстве народного просвещения в связи с его нахождением под следствием в 1849 году.⁷¹

На новом месте службы Белецкий получил должность делопроизводителя VI класса. При этом в чинах он прошел путь от губернского секретаря до коллежского советника. Хотя бывший учитель истории не стал столоначальником, тем не менее, сумел сделать неплохую карьеру: чин коллежского советника приравнялся к званию полковника. Однако продолжить свое продвижение по службе он уже не смог: 4 сентября 1870 года в возрасте 48 лет Петр Иванович Белецкий скончался от холеры.⁷²

В 1848 году в письме к Кузьмину Белецкий писал о своем желании перейти на гражданскую службу: «...там хоть лет через десять будешь столоначальником». ⁷³ В то же время ему было важно не оставлять ученых занятий: «...с книгой я сроднился за тридцать лет моей жизни». ⁷⁴ Вероятно, при более удачном стечении обстоятельств вполне могла бы сложиться его ученая карьера, начатая в Вологде с изучения писцовых книг.⁷⁵

В судьбе Белецкого удивительным образом соединились две эпохи русской жизни. По социальному статусу, мировоззрению, взглядам он, несомненно, относился к поколению сороковых годов и мог бы стать героем Достоевского. В то же время волею судьбы в Вологде он попал в окружение Константина Николаевича Батюшкова, принадлежавшего к блистательной, но уже ушедшей эпохе.

Публикуемые нами материалы о Петре Ивановиче Белецком из российских архивов дают возможность расширить представление об окружении Батюшкова последних лет его жизни, в то же время они по-новому освещают социально-политическую картину России середины XIX века на примере незаурядной личности человека, случайно оказавшегося в эпицентре истории.

⁷¹ Там же. Л. 2, 3, 13–19.

⁷² Вдова Белецкого Евдокия Яковлевна, урожд. Ревуцкая, оставалась после его смерти с двумя маленькими детьми Верой и Владимиром. В ноябре переехала вместе с ними в родовое имение мужа — с. Дмитровка Конотопского уезда Черниговской губ., где 20 декабря того же года родила сына Петра (см.: Там же. Л. 33–34, 50–50 об.).

⁷³ РНБ. Ф. 1160. № 207. Л. 24.

⁷⁴ Там же. Л. 26.

⁷⁵ Судьба писцовых книг, которыми занимался Белецкий, неизвестна. Возможно, некоторые из них были описаны и вошли в издание: Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. М., 2008; Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века. Вологда, 2018. Т. 3. Возможно, они еще ожидают своего нового исследователя и публикатора.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-61-68

© Е. Б. Смагина

МОТИВЫ БИБЛЕЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕМУДРОСТИ» В АФОРИЗМАХ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

В № 80 «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1854 год была опубликована анонимная статья «Русская журналистика», которая содержит, в частности, обзор журнала «Современник» и приложения к нему «Ералаш». В числе прочего речь в ней заходит о публикации «произведений Козьмы Пруткова». Автор обзора упрекает пародиста за неактуальность («нет цели, нет современности, нет жизни»; оригиналы пародий, по его словам, уже лет пятнадцать как устарели) и еще за что-то, не совсем понятное:

«...до какой степени права и остроумна была „Ералашь“, пародируя то, чего не следовало пародировать».¹ Спрашивается: на какой не дозволенный для пародирования предмет намекает автор статьи?

Исследователи полагали, что это были какие-то личные выпады, которые современникам были понятны, а для нас проходят незамеченными.² Но во-первых, такое утверждение плохо сочеталось бы с упреком в неактуальности, даже противоречило бы ему. Во-вторых, публикация Пруtkова не содержит личных выпадов в прямом смысле этого слова. Даже позднейшее посвящение «Моему сослуживцу г-ну Бенедиктову» еще отсутствует. И вообще, трудно было бы не увидеть личный выпад, если таковой есть — даже если мы уже не знаем, в кого он метил.

Но при подробном рассмотрении афоризмов Пруtkова проявляются интересные вещи, предположительно упущенные (во всяком случае, не высказанные) исследователями, но замеченные (хотя и не высказанные прямо) современниками.

Исследователи справедливо искали адресата пародии среди авторов того времени, выпускавших сборники афоризмов. Одни находят такового в русской литературе, другие — во французской беллетристике. В прототипы афориста Пруtkова попадали самые разные авторы, как отечественные, так и западные, начиная с Ф. де Ларошфуко.³ Примечательно, что одним из таких адресатов оказался государственный деятель, имеющий отношение к церкви, — будущий обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, перу которого принадлежит ряд афоризмов.

Известно, что авторы этого пародийного персонажа, А. К. Толстой и братья Жемчужниковы, в качестве материала для «его» опусов (подчеркиваю: материала, а не конечной цели пародистов) обращались и к классическому наследию — в частности, к литературе древности. И при внимательном чтении афоризмов Пруtkова возникают совершенно неожиданные параллели.

Вспомним самый, пожалуй, типичный и неоднократно повторяющийся афоризм:

Никто не обнимет необъятного. (I, 3⁴)

Никто не обнимет необъятного. (I, 44)

Никто не обнимет необъятного! (I, 67)

Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное! (I, 104)

Опять скажу: никто не обнимет необъятного! (I, 160)

Есть ли на свете человек, который мог бы объять необъятное? (II, 91).

Этот афоризм исследователь творчества Пруtkова относит к тем, которые «могли бы быть восприняты как совершенно „нейтральные“, не имеющие никакого пародийного коннотата».⁵

¹ [Б. п.]. Русская журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 9 апр. № 80.

² См., например: Морозов А. А. Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVII — начало XX в.). Л., 1960. С. 60–61 (Библиотека поэта. Большая сер.).

³ «Подобного рода „нравственные мысли“ и „правила жизни“ мы без труда обнаружим, раскрыв наудачу практически любой журнал или альманах середины 1810–1820-х годов. Сформировавшаяся на рубеже XVIII–XIX столетий отечественная традиция подражания французской литературе „максим и размышлений“ переживала в то время своеобразный „период расцвета“. Помимо упоминаемого, как правило, исследователями афористики Пруtkова П. И. Шаликова <...> многие другие русские литераторы тех лет отдали дань сочинительству в обозначенном „прозаическом роде“» (Кулишкина О. Н. Козьма Пруtkов в истории русской афористики // Русская литература. 2001. № 4. С. 156). Прототипом прутковской афористики называли, в частности, А. Анаевского (*Бухштаб Б. Я.* Козьма Пруtkов // Пруtkов К. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 28 (Библиотека поэта. Большая сер.)). М. И. Привалова предположила, что оригиналом целого ряда афоризмов послужили «Пифагоровы законы» П.-С. Марешаля (*Привалова М. И.* О некоторых источниках «Мыслей и афоризмов» Пруtkова // Вестник Ленинградского университета. 1967. Вып. 2. № 8. С. 76–86).

⁴ Здесь и далее «Мысли и афоризмы» цитируются по изд.: Пруtkов К. Полн. собр. соч.; ссылки приводятся в тексте с указанием номера части и номера афоризма.

⁵ Кулишкина О. Н. Козьма Пруtkов в истории русской афористики. С. 155–156.

Однако в обширном и хорошо всем известном корпусе древних текстов неоднократно встречаются изречения, выглядящие непосредственным оригиналом структуры прутковского афоризма:

Кто родится чистым от нечистого? Ни один (Иов 14:4).⁶

От нечистого что может быть чистого, и от ложного что может быть истинного? (Сирах 34:4).⁷

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать (Эккл 1:5).
...ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым? (Эккл 7:13).

Схожим по структуре представляется и такой изобилующий повторами пассаж: «...человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого» (Эккл 8:17).

В «Мыслях и афоризмах» можно отыскать и другие изречения, которые, кажется, вторят библейским стихам. Ср. хотя бы следующие группы речений в «Премудрости Иисуса, сына Сирахова»: «Есть у тебя скот? наблюдай за ним, / и если он полезен тебе, пусть остается у тебя. / Есть у тебя сыновья? учи их, / и с юности нагибай шею их. / Есть у тебя дочери? имей попечение о теле их, / и не показывай им веселого лица твоего. <...> / Есть у тебя жена по душе? не отгоняй ее» (Сирах 7:24–28); «Если ты обременил себя яствами, то встань из-за стола и отдохни» (Сирах 31:24); «Если есть у тебя раб, то да будет он как ты; / ибо ты приобрел его кровью. / Если есть у тебя раб, то поступай с ним, как с братом; / ибо ты будешь нуждаться в нем, как в душе твоей» (Сирах 33:31–32).

Афоризм Козьмы Прутова продолжает и вместе с тем подытоживает эти поучения: «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану» (I, 22).⁸

Библейская премудрость советует: «Не шути с невеждою, / чтобы не подверглись бесчестию твои предки» (Сирах 8:5).

Далее следуют советы, построенные по той же схеме: запрет + возможные последствия его нарушения. В следующей главе 9:1–11 даны подобные же советы об отношении к женщинам: «Не отдавай жене души твоей, чтобы <...> Не выходи навстречу развратной женщине, чтобы <...> Не оставайся долго с певицею, чтобы...» и т. д.

Прутков объединяет эти две темы: «Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны» (I, 91).

На похвалу: «Соблюдающий закон обладает своими мыслями, / и совершение страха Господня — мудрость» (Сирах 21:12–13); «Знание мудрого увеличивается подобно наводнению, / и совет его — как источник жизни» (Сирах 16); «Мудрый муж не возненавидит закона, / а притворно держащийся его — как корабль в бурю» (Сирах 33:2–3), — Прутков отвечает схожим сравнением: «Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна мужу, который блюдет законы» (I, 32); «Доблий муж подобен мавзолею» (I, 114).

На изречение Притчей: «Пусть хвалит тебя другой, а не уста твои; / другой, а не язык твой» (Притч 27:2), — Прутков как бы возражает: «Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?» (I, 8).

В других случаях он обобщает: «Скрытая мудрость и утаенное сокровище невидимое — / какая польза от обоих? / Лучше человек, скрывающий свою глупость, / нежели человек, скрывающий свою мудрость» (Сирах 20:30–31). Ср. у Прутова: «Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?» (I, 19).

⁶ Таков синодальный перевод. Перевод Российского Библейского общества: «Кто извлечет из нечистого чистое? Никто».

⁷ Второканоническая «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова» всегда была популярна именно в российской среде. Достаточно сказать, что книга явно послужила одним из источников для составления «Домостроя».

⁸ У этого изречения, впрочем, был источник в реальной жизни. Иногда Жемчужников, не выдержав постоянных насмешек Толстого, говорил: «Да заткни фонтан, дай ему отдохнуть!» (Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982. С. 38).

На библейские речения о приличном поведении в юности и старости: «Слава юношей — сила их, а украшение стариков — седина» (Притч 20:29); «Как прекрасна мудрость старцев / и как приличны людям почтенным рассудительность и совет!» (Сирах 25:7), — Прутков также отвечает обобщением: «Степенность равно прилична юноше и убеленному сединами старцу» (II, 65).

Библейские учительные книги изобилуют наставлениями, обращенными к юноше: «Наставь юношу при начале пути его: / он не уклонится, когда и состарится» (Притч 22:6); «Веселись, юноша, в юности твоей <...> и ходи по путям сердца твоего <...> только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» (Эккл 11:9). Прутков следует тому же образцу: «Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!» (II, 33). Или: «Говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен, говори главное, многое в немногих словах» (Сирах 32:9–10). «Лучше скажи мало, но хорошо» (I, 8), — вторит «мудрецу Израиля» Козьма.

Одно из самых пространных обличений лени и похвал трудолюбию в Библии начинается так: «Пойди к муравью, ленивец, / посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притч 6:6). Далее в греческой и, соответственно, в церковнославянской Библии есть дополнение: «...Или пойди к пчеле, и познай, / как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит» (Притч 6:8). Прутков как бы подытоживает эту группу речений, доводя сравнение до абсурда: «Трудись, как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле» (II, 48).

На изречение: «Премудрость соответствует имени своему, / и немногим открывається» (Сирах 6:23), — Прутков отзывается: «Мудрость, подобно черепаховому супу, не всякому доступна» (II, 50).

Наставление: «Не ходи по пути, где развалины, чтобы не споткнуться о камень» (Сирах 32:22), — тоже находит у Козьмы отклик: «Не ходи по кособору, сапоги стопчешь!» (I, 131).

См. также следующий диалог Пруткова с Иисусом, сыном Сираховым: «Не всякому слову верь» (Сирах 19:16) — «Если на клетке слона прочтешь надпись „буйвол“, не верь глазам своим» (I, 106).

Иисус, сын Сирахов, наставляет: «Не устранийся от плачущих, / и с сетующими сетуй. / Не ленись посещать больного, / ибо за это ты будешь возлюблен» (Сирах 7:37–38).

Ответом на это может служить афоризм Пруткова: «Не растравляй раны ближнего; страждущему предлагай бальзам... Копая другому яму, сам в нее попадешь» (I, 50).

Последняя фраза вообще представляет собой прямое заимствование из библейских книг, где это речение повторяется не раз: «Кто копает яму, тот упадет в нее» (Эккл 10:8); «...выкопали предо мною яму, и сами упали в нее» (Пс 56:7; курсив мой. — Е. С.); «Кто роет яму, тот упадет в нее...» (Притч 26:27).

Многие библейские афоризмы основаны на сравнении и в то же время имеют перекрестную структуру (параллель + противопоставление): «...и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Эккл 9:4); «Лучше сосед вблизи, / нежели брат вдали» (Притч 27:10). Прутков с успехом перенимает эту конструкцию: «Незрелый ананас, для человека справедливого, всегда хуже зрелой смородины» (II, 30).

Тема посмертной памяти о мудреце и праведнике проходит через ряд библейских книг: «...в вечной памяти будет праведник <...> правда его пребывает во веки» (Пс 112:6.9); «Память праведника пребудет благословенна» (Притч 10:7); «Многие будут прославлять знание его, / и он не будет забыт вовек. / Память о нем не погибнет, / и имя его будет жить в роды родов» (Сирах 39:11–12); «Семя их пребудет до века, / и слава их не истребится. / Тела их погребены в мире, / и имена их живут в роды. / Народы будут рассказывать о их мудрости, / а церковь будет возвещать их хвалу» (Сирах 44:12–14).

Прутков развивает эту же тему в свойственной ему манере: «Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли» (II, 21).

Обращение Пруткова к читателю в публикации от 24 октября 1859 года («Прислушай и вникни: я буду говорить с тобой, как отец с сыном») также разительным образом напоминает вступления к группам учительных афоризмов в Притчах: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего» (Притч 1:8, 4:1, 6:20).

Можно заметить, что и по структуре афоризмы Пруткова следуют образцу библейской «машал», притчи-речения. Многие из афоризмов Пруткова, как и речения «литературы премудрости», подразделяются на два полустихия. Кроме того, афоризмы построены на тех же основных приемах, которые выделяют исследователи, анализируя библейские речения и фольклорный материал: тождество, однозначность или ассоциация; несходство, контраст, парадокс; сходство, аналогия, общий тип; несообразность, абсурд; классификация и характеристика; установление степени, первенства, пропорции.⁹

В библейских книгах одно «машал» часто вводит серию речений, развивающих одну и ту же или схожие темы. Ср. у Пруткова, где за типичным для учительной библейской литературы восхвалением мудрости и знания — «Наука изощряет ум; ученье вострит память» (I, 7) — следует серия афоризмов о памяти (I, 10–12), после чего автор переходит от темы слабеющей памяти к схожему объекту — слабеющему зрению (I, 13).

Уподобления, собранные в серии, также распространены в учительных библейских книгах. В афоризмах Пруткова мы видим длинные цепочки уподоблений, большей частью комичных. Серию однотипных уподоблений можно наблюдать хотя бы в I, 23–25, где в общей длинной серии выделяются сравнения с птицами: «Женатый повеса воробью подобен»; «Всякий фат вообще подобен трясогузке»; «Усердный врач подобен пеликану». Ср.: «Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется» (Притч 26:2).

Одна из типичных и распространенных форм библейского афоризма — так называемая числовая притча. Она строится по схеме: 1) число объектов (может не указываться), 2) обозначение общего качества или свойства, которым они обладают, 3) перечисление этих объектов.¹⁰ Чаще всего встречается речение, основанное на числе 3. Например: «Есть на земле четверо малых, но они мудрее мудрых: / муравьи — народец слабосильный, а пищей запасаются с лета; / зверьки даманы — народец не могучий, а жилища устраивают среди скал; / у саранчи нет царя, но выступает она единым строем; / ящерица лапками цепляется, но бывает и в царских чертогах» (Притч 30:24–28); «Тремя я украсилась и стала прекрасною пред Господом и людьми: / это — единомыслие между братьями и любовь между ближними, и жена и муж, согласно живущие между собою. / И три рода людей возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: / надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке» (Сирах 25:1–4).

Целый ряд афоризмов Пруткова построен по той же схеме, вариант с числом 3. Есть и изречение, где на первом месте стоит числительное: «Три дела, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется» (I, 45).

Некоторые числовые афоризмы Пруткова близки к аналогичным библейским также по содержанию: «Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая; но чем, скажи, измеришь ты глубину Восточного океана?» (I, 62). Ср.: «Песок морей и капли дождя / и дни вечности кто исчислит? / Высоту неба и широту земли, / и бездну и премудрость кто исследует?» (Сирах 1:2–3).

О схеме приведенного афоризма следует сказать дополнительно. В библейской литературе распространена числовая притча $n+1$ или «градуированная»: n элементов ряда стоят как бы в положительной степени, а последний, $n+1$ -й — в превосходной.¹¹ Например: «От трех вещей содрогается земля / и четвертой вынести не может: / раба,

⁹ Классификацию библейских афоризмов по структуре и содержанию см.: *Scott R. B. Y. The Anchor Bible. Proverbs. Ecclesiastes. New York: Doubleday, 1965.*

¹⁰ *Roth W. M. W. Numerical Sayings in the Old Testament. A Form-Critical Study. Leiden: Brill, 1965. P. 1–2 (Supplements to Vetus Testamentum; vol. XIII); Murphy R. E. Word Biblical Commentary. Dallas, Texas: Word Books Publisher, 1998. Vol. 22. Proverbs. P. 15.* Надо заметить, что указанные исследователи выделяют в схеме только две части, но, на наш взгляд, число, обычно стоящее впереди, следует выделять как самостоятельный элемент.

¹¹ *Roth W. M. W. Numerical Sayings in the Old Testament. P. 6.*

что стал царем, / глупца, что досыта ест, / позорную женщину, что вышла замуж, / служанку, что заняла место госпожи» (Притч 30:21–23). В книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, есть целая серия таких афоризмов, однотипных по тематике, по схеме 2+3, но без числительных в начале (Сирах 40:18–26). Вот несколько стихов из этого раздела: «Вино и музыка веселят сердце, / но лучше того и другого — любовь к мудрости. / Свирель и гусли делают приятным пение; / но лучше их — приятный язык. / Приятность и красота возжеленны для очей твоих, / но более той и другой — зелень посева. / <...> Богатство и сила возвышают сердце, / но выше того — страх Господень». У Пруtkова обнаруживаются афоризмы, построенные по точно такой же схеме: «Некоторые образом непостоянства выставляют мужчину, другие женщину; но всякий умный и наблюдательный петербуржец никогда не согласится ни с теми, ни с другими; ибо всего переменчивее петербургская атмосфера!» (II, 40); «Дружба согревает душу, платье — тело, а солнце и печка — воздух» (II, 59); «Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее поласкать рот» (II, 60).

Может быть, именно ассоциацию с библейскими речениями имел в виду журналист из «Санкт-Петербургских ведомостей»? А не высказал он это соображение прямо то ли из страха Божия, то ли просто из человеческой порядочности: сказать, что такой-то журнал или литератор издевается над Св. Писанием, тогда было в некотором смысле равносильно доносу.

Понимали ли другие современники А. К. Толстого и Жемчужниковых, что использовано в данном случае как пародийный материал? Наверняка догадывались. Напрямую, насколько нам известно, они таких догадок не высказывали, но можно найти достаточно красноречивые намеки.

Так, М. Е. Салтыков-Щедрин шутиливо замечает: «Не обличать надо, а любить, — говаривал покойный Кузьма Прутков».¹² На ум прежде всего приходят речения из книги Притчей Соломоновых: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя» (Притч 9:8); «Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь» (Притч 27:5).

Мотив обличения (связанный с мотивом любви или противопоставленный ему) проходит, собственно, через всю книгу Притчей.

Некрасов «приписывает» тому же автору едва ли не самое знаменитое и расхожее библейское речение — много раз повторяющийся стих Экклезиаста: «Припомни афоризм Пруtkова, / что всё на свете — суета!» («Гимн времени»).

Какова цель авторов, если они действительно использовали библейский материал? Вряд ли они задавались целью посмеяться над Библией.

Конечно, чиновник из Пробирной палатки, изображающий царя Соломона, — это само по себе достаточно смешно. И вполне возможно, что иной раз архаическая «премудрость» представлялась этим неугомонным насмешникам банальной до комизма. Но А. К. Толстой и Жемчужниковы как пародисты обычно имеют перед собой цель, и цель близкую.

При анализе литературы этого рода следует различать *цель*, в которую пародист (сатирик) метит, и *материал*, который он использует.¹³ В прутковском «Бароне фон Гринвальдусе» материалом для пародии явно служит баллада «Рыцарь Тогенбург» с ее апофеозом безответной рыцарской любви, но представить в комичном виде авторы хотели, конечно, не Шиллера и не его переводчика Жуковского, а своих современников, русских эпигонов немецкой романтической поэзии. «Новогреческие песни» Пруtkова

¹² Жуков Д. А. Козьма Прутков и его друзья. М., 2013. С. 28.

¹³ Ср.: «Цель пародии — показать странность приема («остранение»), нелепость его (на взгляд пародиста), неоправданность — подчеркнуть, например, новаторский прием как нечто абсурдное, или, наоборот, дать ощущение трафаретности приема, в привычном контексте неощутимого как трафарет» (Бегак Б. Пародия и ее приемы // Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия. М.; Л., 1930. С. 54); «...если пародия имеет в виду не одно индивидуальное литературное явление, а целый ряд явлений, которые она обобщает — когда объектом пародии служит известный жанр (форма): роман, новелла, басня (у Чехова, Козьмы Пруtkова), или жанровая разновидность в пределах трактовки ее одной литературной школой, группой, направлением...» (Там же. С. 57).

и опусы на античную тему метят, разумеется, не собственно в античную либо новогреческую поэзию, а в их эпигона Н. Ф. Щербину; и т. д.

Скорее всего, творцы Прутков использовали библейский материал с той же целью, как античную поэзию в случае со Щербиной: помимо прочего, это лукавый намек пародируемым литераторам-афористам на то, сколь неоправданно высоки (и тем самым комичны) их претензии.

«Если они поэты, то я тоже!» — утверждает «сам» Прутков в предисловии к своему первому сборнику, имея в виду Бенедиктова и т. п. стихотворцев. Этот ряд легко продолжить: если Щербина — древний грек, то я тоже! Если Победоносцев и другие сочинители афоризмов — цари Соломоны и «мудрецы Израиля», то я тоже!

Профессор А. И. Шмаина-Великанова любезно сообщила мне, что в переписке Льва Толстого с М. Е. Салтыковым-Щедриным нашла высказывание одного из корреспондентов о русском переводе Библии: «Да это же Козьма Прутков!» К сожалению, в переписке Толстого и Салтыкова-Щедрина этого высказывания отыскать не удалось. Но кому бы ни принадлежало это высказывание, сам факт наводит еще на одну мысль.

Начиная с 20-х годов XIX века в России стали выдвигаться и осуществляться проекты перевода Библии на русский язык.¹⁴ Издательская деятельность под руководством Российского Библейского общества ограничилась переводами Нового Завета, Пятикнижия и Псалтири;¹⁵ дальше проект не продвинулся, так как Библейское общество было закрыто. В 1838–1841 годах был исполнен и стал распространяться (в литографированном виде и практически нелегально) русский перевод пророческих и учительных книг Библии, выполненный Г. П. Павским.¹⁶ В их числе были Притчи и Экклезиаст, т. е. часть книг, послуживших материалом для пародийных афоризмов Пруткова. Литографированные экземпляры разошлись среди студентов Санкт-Петербургской и Московской духовных академий, а они «передавали их не только родственникам, но и разным другим лицам, живущим как в С.-Петербурге, так и в других местах империи».¹⁷ Иначе говоря, русский перевод Библии вполне мог довольно широко разойтись, несмотря на последовавшие доносы в адрес переводчика, запрет, изъятие и уничтожение экземпляров. Не исключено, впрочем, что и благодаря этому запрету: известно, как падок был российский читатель всех времен на запрещенную литературу. Обвинения переводчика в ереси могли и подстегнуть читательский интерес.

Не явились ли и эти переводы толчком для пародистов? Поскольку сочинения Козьмы появились на свет более чем десятилетием позже, в 1850-х годах, такое вполне возможно. Добавим, что 1830-ми и 1840-ми годами датируются сборники выдержек из библейских книг в русских версиях.¹⁸ (Переводы архимандрита Макария были изданы несколько позже, в 1860–1867 годах,¹⁹ к тому же периоду относится начало работы над Синодальным переводом Ветхого Завета.²⁰)

Может быть, в этом же ключе следует толковать эпизод из «Биографических сведений о Козьме Пруткове», который его создатели представляют судьбоносным: «...в ночь с 10-го на 11 апреля 1823 г., возвратясь поздно домой с товарищеской попойки и едва прилегли на койку, он увидел перед собой голого бригадного генерала, в эполетах, который, подняв его с койки за руку и не дав ему одеться, повлек за собой молча по каким-то длинным и темным коридорам, на вершину высокой и остроконечной горы, и там стал вынимать перед ним из древнего склепа разные драгоценные материи, показывая их ему одну за другою и даже прикидывая некоторые из них к его продрогшему телу. Прутков ожидал с недоумением и страхом развязки этого непонятного события, но вдруг, от прикосновения к нему самой дорогой из этих материй, он ощутил во всем теле сильный электрический удар, от которого проснулся весь в испарине. <...>

¹⁴ Об этом см.: Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

¹⁵ Там же. С. 25–43.

¹⁶ Там же. С. 133–136.

¹⁷ Там же. С. 178.

¹⁸ Там же. С. 235–239.

¹⁹ Там же. С. 240.

²⁰ Там же. С. 317 и далее.

часто рассказывая о нем впоследствии, он всегда приходил в большое волнение и заканчивал свой рассказ громким возгласом: „В то же утро, едва проснувшись, я решил оставить полк, и подал в отставку; а когда вышла отставка, я тотчас определился на службу по министерству финансов, в Пробирную палатку, где и останусь навсегда!“»²¹

Американская исследовательница Б. Х. Монтер в своей книге о творчестве Прутковы сделала, как говорит уже российский литературовед, «не вполне серьезную» попытку дать фрейдистское истолкование этого сна.²²

Но тому, кто внимательно читал пророческие книги Библии или изучал постбиблейскую литературу откровений, бросаясь в глаза элементы, явно пародирующие пророческое или апокалиптическое видение. Это и вещий сон, круто изменяющий жизнь главного героя, и вознесение на высокую гору, и голый генерал в роли апокалиптического «ангела-толкователя», и символические объекты — в данном случае дорогие ткани. Даже такая деталь, как нагота генерала, находит параллель в апокрифах: в целом ряде книг есть эпизоды, где центральный персонаж встречает отшельников, чья нагота, по-видимому, означает не только крайнюю степень аскезы и нестяжательства, но и возвращение к первоначальному безгрешному состоянию людей в Эдеме.²³ А внезапное желание Козьмы подать в отставку и «навсегда» перейти на службу в Пробирную палатку, возможно, пародирует стремление героев агиографических книг после получения откровения расстаться с прежними жизненными благами и вступить на путь подвижничества.

Если эти параллели не случайны, надо добавить: следуя древней традиции считать поэтов боговдохновенными обладателями пророческого дара, Прутков позиционирует себя еще и как пророка или апокалиптического духовидца.

²¹ Прутков К. Полн. собр. соч. С. 332–333; Сочинения Козьмы Пруткова. Ростов-н/Д, 1996. С. 295 (сер. «Всемирная библиотека поэзии»).

²² Monter B. H. Koz'ma Prutkov, the Art of Parody. The Hague; Paris, 1972. P. 53.

²³ См. об этом: Смагина Е. Б. Нагота отшельников в письменных источниках и ее символическое значение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. Вып. 6. Ноябрь–декабрь. С. 142–149.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-68-76

© М. В. Михновец

СУДЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Вопрос о творческом диалоге Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского имеет давнюю исследовательскую традицию, однако большинство работ относится либо к советскому периоду, либо касается отдельных эпизодов, связанных с биографией и художественным наследием писателей.¹ Многое из ранее не исследованного требует изучения,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

¹ Туниманов В. А. Чернышевский и Достоевский // Н. Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 169–208; Холодова Г. М. Чернышевский и Достоевский: Социально-этические искания: сходства и различия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 4. С. 21–30; Царева И. С. Достоевский и Чернышевский в 1861 году // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 748. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. С. 44–63; Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 184–188.

Список литературы

1. Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
2. Власов А. С. Заметки о жизни К. Н. Батюшкова в Вологде / Публ. В. А. Кошелева // Новиков Н. Н. К. Н. Батюшков под гнетом душевной болезни: Историко-литературный психологический очерк. Арзамас, 2005.
3. Дело петрашевцев: В 3 т. М.; Л., 1937–1951.
4. Дневник Кирилла Антоновича Березкина. СПб., 2014.
5. Дубельт Л. В. Записки для сведения. 1849 // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая сер. MMIV. М., 2005.
6. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.
7. Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий. Череповец, 2007.
8. Мисайлиди Л. Е. «Собственность слепца Г. И. Ширяева»: из истории формирования батюшковских фондов в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020.
9. Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. М., 2008.
10. Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века. Вологда, 2018. Т. 3.
11. Шульпяков Г. Ю. «...Заживо познавший свой закат...» Из дневника доктора Антона Дитриха // Вопросы литературы. 2022. № 5.

References

1. Batiushkov K. N. Soch.: V 2 t. M., 1989. T. 2.
2. Delo petrashevtssev: V 3 t. M.; L., 1937–1951.
3. Dnevnik Kirilla Antonovicha Berezkina. SPb., 2014.
4. Dubel't L. V. Zapiski dlia svedeniia. 1849 // Rossiiskii arkhiv. Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Novaia ser. MMIV. M., 2005.
5. Koshelev V. A. Konstantin Batiushkov. Stranstviia i strasti. M., 1987.
6. Lazarchuk R. M. K. N. Batiushkov i Vologodskii krai. Iz arkhivnykh razyskanii. Cherepovets, 2007.
7. Misailidi L. E. «Sobstvennost' sleptsia G. I. Shiriaeva»: iz istorii formirovaniia batiushkovskikh fondov v Pushkinskom Dome // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god. SPb., 2020.
8. Pistsovyie i perepisnye knigi Vologdy XVII — nachala XVIII veka: V 2 t. M., 2008.
9. Pistsovyie, perepisnye i dozornye knigi Vologdy XVII veka. Vologda, 2018. T. 3.
10. Shul'piakov G. Yu. «...Zazhivo poznavshii svoi zakat...» Iz dnevnika doktora Antona Ditrikha // Voprosy literatury. 2022. № 5.
11. Vlasov A. S. Zametki o zhizni K. N. Batiushkova v Vologde / Publ. V. A. Kosheleva // Novikov N. N. K. N. Batiushkov pod gnetom dushevnoi bolezni: Istoriko-literaturnyi psikhologicheskii ocherk. Arzamas, 2005.

Евгения Борисовна Смагина

зав. Отделом истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН

Evgeniya Borissovna Smagina

Head of the Department of History and Culture of Ancient Orient,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9816-6997

esmagi54.54@mail.ru

**МОТИВЫ БИБЛЕЙСКОЙ «ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕМУДРОСТИ»
В АФОРИЗМАХ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА**

**MOTIFS OF THE WISDOM LITERATURE
IN THE APHORISMS BY KOZMA PRUTKOV**

В статье рассматривается один из возможных источников пародийных афоризмов Козьмы Пруtkова. Делается вывод, что материалом для них послужили библейские речения так называемой «литературы премудрости» — в частности, книг Притчей, Экклезиаста и второканонической книги «Премудрость Иисуса, сына Сирахова». Целый ряд афоризмов Пруtkова не только текстуально близок к этим речениям, но и выстроен по той же структуре, что и библейские «мешалим». Целью пародии служат многочисленные сборники афоризмов, распространившиеся с начала XIX столетия в русской литературе.

Ключевые слова: афоризм, Библия, пародия, Козьма Пруtkов, русская литература.

The article analyzes one of the possible sources of Kozma Prutkov's parody aphorisms. It is suggested that the subject matter for the aphorisms was the biblical sayings of the so-called Wisdom Literature, in particular the Proverbs, Ecclesiastes and the deuterocanonical book of Ben Sirah. A number of Prutkov's aphorisms are not only textually close to these sources but are also structured in the same way as the Biblical *meshalim*. The parodies target numerous collections of aphorisms that gained popularity in the Russian literature since the beginning of the 19th century.

Key words: aphorism, Bible, parody, Kozma Prutkov, Russian literature.

Список литературы

1. Бухштаб Б. Я. Козьма Пруtkов // Пруtkов К. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая сер.).
2. Жуков Д. А. Алексей Константинович Толстой. М., 1982.
3. Жуков Д. А. Козьма Пруtkов и его друзья. М., 2013.
4. Кулишкина О. Н. Козьма Пруtkов в истории русской афористики // Русская литература. 2001. № 4.
5. Морозов А. А. Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVII — начало XX в.). Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая сер.).
6. Привалова М. И. О некоторых источниках «Мыслей и афоризмов» Пруtkова // Вестник Ленинградского университета. 1967. Вып. 2. № 8.
7. Пруtkов К. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая сер.).
8. Смагина Е. Б. Нагота отшельников в письменных источниках и ее символическое значение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. Вып. 6. Ноябрь–Декабрь.
9. Сочинения Козьмы Пруtkова. Ростов-н/Д, 1996 (сер. «Всемирная библиотека поэзии»).
10. Monter B. H. Koz'ma Prutkov, the Art of Parody. The Hague; Paris, 1972.
11. Murphy R. E. Word Biblical Commentary. Dallas, Texas: Word Books Publisher, 1998. Vol. 22. Proverbs.
12. Roth W. M. W. Numerical Sayings in the Old Testament. A Form-Critical Study. Leiden: Brill, 1965 (Supplements to Vetus Testamentum; vol. XIII).
13. Scott R. B. Y. The Anchor Bible. Proverbs. Ecclesiastes. New York: Doubleday, 1965.

References

1. Bukhshtab B. Ia. Koz'ma Prutkov // Prutkov K. Poln. sobr. soch. M.; L., 1965 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
2. Kulishkina O. N. Koz'ma Prutkov v istorii russkoi aforistiki // Russkaia literatura. 2001. № 4.
3. Monter B. H. Koz'ma Prutkov, the Art of Parody. The Hague; Paris, 1972.
4. Morozov A. A. Russkaia stikhotvornaia parodiia // Russkaia stikhotvornaia parodiia (XVII — nachalo XX v.). L., 1960 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
5. Murphy R. E. Word Biblical Commentary. Dallas, Texas: Word Books Publisher, 1998. Vol. 22. Proverbs.
6. Privalova M. I. O nekotorykh istochnikakh «Myslei i aforizmov» Prutkova // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1967. Vyp. 2. № 8.
7. Prutkov K. Poln. sobr. soch. M.; L., 1965 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
8. Roth W. M. W. Numerical Sayings in the Old Testament. A Form-Critical Study. Leiden: Brill, 1965 (Supplements to Vetus Testamentum; vol. XIII).
9. Scott R. B. Y. The Anchor Bible. Proverbs. Ecclesiastes. New York: Doubleday, 1965.
10. Smagina E. B. Nagota otshel'nikov v pis'mennykh istochnikakh i ee simvolicheskoe znachenie // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2018. Vyp. 6. Noiabr'–Dekabr'.
11. Sochineniia Koz'my Prutkova. Rostov-n/D, 1996 (ser. «Vsemirnaia biblioteka poezii»).
12. Zhukov D. A. Aleksei Konstantinovich Tolstoi. M., 1982.
13. Zhukov D. A. Koz'ma Prutkov i ego druž'ia. M., 2013.